

УДК 316.2

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-2-100-115

Проблема цифровой идентичности. Свойства и риски

А. В. Шляков

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия
schafferhund@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена цифровой идентичности. На основании проведенного анализа были обобщены основные подходы к исследованию данного феномена, которые можно классифицировать по степени сопоставления цифровой идентичности с субъектностью. Так, первый подход основан на признании цифровой идентичности как необходимого равноправного (по отношению к реальному) дополнения к целостному образу «Я» человека; второй подход связан с пониманием цифровой идентичности как вспомогательного инструмента «расширения» человека, выступающего копией, стремящейся к «витальности» (очеловечиванию предмета); третий подход подразумевает под цифровой идентичностью объект, детерминирующий социальное поведение (опредмечивание человека). Выявлены формы проявления цифровой идентичности: агент и актор (актант). Обозначены риски, связанные с присутствием цифровой идентичности в цифровой среде, среди которых выделены социальные, психологические и физиологические. Предложено выявлять в качестве подлинного содержания идентичности его «ядро», состоящее из ценностных ориентиров и субстанциональной основы.

Ключевые слова: цифровая идентичность, цифровая среда, сеть, самость, идентификация

Для цитирования: Шляков, А. В. Проблема цифровой идентичности. Свойства и риски / А. В. Шляков. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-2-100-115 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 2. – С. 100–115.

The issue of digital identity. Properties and risks

Alexey V. Shlyakov

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia
schafferhund@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of digital identity. Based on the analysis, the main approaches to the study of this phenomenon have been summarized, which can be classified according to the degree of comparison of digital identity with subjectivity. The first approach is based on the recognition of digital identity as a necessary equal (in relation to the real) addition to the integral image of the human "I". The second approach is associated with the understanding of digital identity as an auxiliary tool for the "expansion" of the person, acting as a copy, striving for "vitality" (humanization of the object). The third approach implies that digital identity is an object that determines social behavior (human objectification). The forms of digital identity manifestation are identified as agent and actor (actant). The potential risks associated with the presence of digital identity in the digital environment are outlined, with particular emphasis on social, psychological and physiological risks. It is proposed that the true content of identity be identified as its "core", which consists of value orientations and a substantive basis.

Keywords: digital identity, digital environment, network, sameness, identification

For citation: Shlyakov, A. V. (2024). The issue of digital identity. Properties and risks. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (2), pp. 100-115. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-2-100-115

Введение

Современный человек сегодня немыслим без высокотехнологических гаджетов и сети Интернет. В этой Сети осуществляются встречи и расставания, общение, знакомства и даже бракосочетания [1], производится трудовая деятельность и проводится досуг. Интернет активно завоевывает себе право именоваться новой реальностью и, конечно же, не может не оказывать влияние на социальную действительность, через которую человек обретает себя, становится человеком. Значительную часть времени человек проводит в новой для себя реальности, что позволяет говорить о феномене цифровой среды. Эта среда имеет существенные отличия как от материальной реальности, так и от идеальной реальности. Некоторые зарубежные авторы полагают, что эта новая реальность вытеснила то, что ранее называлось «социальное» [2], провозглашая «конец социальности» [3]. Сам образ жизни человека фундаментально изменился и из оседлого постепенно переходит в кочевой (номадический) [4]. Возникают новые формы профессионалов — «цифровые номады», работа которых связана с перемещением по Сети [5]. Сама Сеть ориентирована на создание пространства, стремящегося к нулевой толщине, к состоянию абсолютной плоскости, в которой невозможно установление смысловой вертикали, а существует только поверхность событий, которые можно переживать. Взаимодействие с сетевой средой, пребывание в ней оказывает влияние на человека, на его эмоции, интеллект и на представление о самом себе, то есть на его идентичность. Мобильный образ жизни проблематизирует возникновение устойчивого основания, которое стало бы фундаментом для построения собственной самости. По Сети распространяются наши цифровые копии в виде страниц в социальных сетях, аватарок, логинов, коммуникативных следов. В силу того, что Интернет охватывает все большее количество социальных практик, возникает проблема местонахождения подлинного «Я» и актуализируется вопрос о тождестве и различии новой фигуры моего «Я» в цифровой среде по отношению к «Я» в материальной действительности.

На основании вышеизложенного целью статьи является описание механизма возникновения цифровой идентичности, выявление ее особенностей и связанных с этим гуманитарных рисков. Согласно выбранной цели поставлены следующие задачи: 1) осуществить анализ основных методологических подходов к исследованию цифровой идентичности; 2) предложить не связанные с субъектностью носителя способы описа-

ния цифровой идентичности; 3) сформулировать выводы о возможных гуманитарных рисках появления у субъекта цифровой идентичности.

Литературный обзор

Проблема исследования цифровой идентичности достаточно нова, хотя само по себе понятие идентичности широко представлено в гуманитарных науках: философии (К. Маккензи, К. Аткинс, М. Шехтман, Ф. Фукуяма, А. Лемпий, Е. Ефимова), социологии (Э. Эрикссон, Д. Солдбергер, К. Р. Йоргенсен, Г. Глас), психологии (Ф. Бейлис, К. П. Тобиа, В. Гланнон, К. Инейхен). Одним из первых, кто обратился к «цифровой оптике» при исследовании социальных процессов, был М. Кастельс, который выделил новый способ бытия социального — сетевое общество [6]. Массовое погружение людей в Интернет позволило рассматривать это явление как реализацию эскапистских практик (Е. О. Труфанова), как возникновение феномена «умная толпа» (Дж. Кларк, Г. Рейнгольд, Д. Биляева, В. Лобатюк), обретающего «ум» через использование «smart»-техники. Формирование цифрового субъекта как совокупности его цифровых следов исследовала О. Горюнова, влияние цифровой среды на физиологию человека и его поведение рассматривали А. Агре, С. Мичи, М. Павел, Д. Спруйт-Мец, С. Уорк, Хеклер. Сетевая идентичность как предмет исследования фигурируют в работах Ф. Гиренка, П. Рикера, Ю. Чернавина, А. Лисенковой.

На основании анализа публикаций по теме можно увидеть, что идентичность рассматривается амбивалентно: как процесс и как результат. Нам представляется корректным для описания процесса использовать термин идентификация, а для описания состояния — идентичность. Идентичность как состояние самотождественности дополняется через процесс адаптационного отождествления. Под идентичностью мы понимаем совокупность представлений человека о самом себе, возникающих в результате отождествлений себя с группой, принимающей участие в символическом обмене [7]. Рассматривая цифровую идентичность, необходимо учитывать, что процесс отождествления осуществляется с учетом коммуникаций, происходящих в поле цифровых технологий, в сети Интернет, которые формируют новую систему аксиологических представлений, ценностных ориентиров [8]. Термин «цифровая среда» входит в понятие «цифровая экономика», которое ввел программист Н. Негропonte в 1996 году. Сегодня под цифровой средой принято понимать «интегрированное коммуникационное поле, в котором цифровые устройства взаимодействуют и управляют контентом и действиями в ней, другими словами — это коммуникационная среда цифровых устройств» [9].

Материалы и методы

Согласно поставленной цели и сформулированным задачам в работе использованы всеобщие методы (диалектический), общенаучные теоретические методы (анализ и синтез), а также постструктуралистский метод. Диалектический метод позволяет рассмотреть исследуемый объект в дихотомии оппозиций «подлинник — копия», «естественное — искусственное». Анализ и синтез позволяют обнаружить рост интереса к проблеме цифровой идентичности среди оппозиционных философских школ и направлений. Постструктуралистский метод позволяет выявить симуляционный, текстуальный характер исследуемого явления, возникшего в результате отрыва означающего (сигнификат) от означаемого (денотат) и допускающего существование у субъекта множественности идентичностей разнородного генезиса. Материалом для исследования послужили научные статьи, монографии, публикации отечественных и зарубежных ученых.

Результаты и обсуждение

Процесс идентификации человека имеет социальную природу и строится в системе отношений «Я — Другой». Н. Луман полагал, что только через это столкновение обнаруживаются необходимые для утверждения самости различия [10]. Эти радикальные отличия формируют идентификационные пределы самости. Однако, если речь идет об идентификации в цифровой среде, то в качестве «Другого» перед субъектом может возникнуть кто-то, отличающийся от носителя только субстанционально и выступающий цифровой копией «Я». В. Копанева утверждает, что распространение сетевой реальности на нашу повседневность привело к размыванию границ между онлайн- и офлайн-бытием, что разрушает традиционное представление об иерархии «Я» и о приоритете офлайн-самости [11]. Вступая в отношения и контакты офлайн-формата, субъекту необходимо учитывать многоступенчатость, иерархичность действительности, складывающуюся в том числе и из разницы в возрасте, социальном положении, однако в онлайн-формате иерархизация упраздняется, а связи и отношения сводятся к плоскостному режиму, что для многих субъектов предпочтительнее, так как они не требуют этикетности.

Л. Н. Соловьева утверждает, что именно единство виртуального и реального «Я» образует цифровую идентичность человека [12]. Но из работы автора остается неясным, является ли это единство механическим или органическим. Вряд ли это единство можно назвать органическим, так как виртуальное, цифровое «Я», во-первых, искусственное, во-вторых, приобретенное в отличие от реального «Я», которое имеет естественное происхождение. Если же это единство достигается посредством конструкти-

визма, то мы вынуждены допустить равноправность и равнозначность, что сделать достаточно сложно исходя из имен самих элементов, один из которых — «реальный». Конечно, в рамках постмодернистского дискурса, который допускает гибридизацию разнородных элементов и существование ризомы как формы опространствования, такое единство было бы возможно, но дело в том, что ризома, по словам создателей концепта Ж. Делёза и Ф. Гваттари, это не единство, а множественность, постоянно находящаяся в процессе сборки, комбинирования, детерриторизации [13].

При исследовании цифровой идентичности субъекта в цифровой среде возможно обращение к шизоанализу Ж. Делёза [14], согласно которому любой субъект есть носитель множества идентичностей и выделение единственной подлинной есть лишь пережиток властного, репрессивного дискурса модерна. Экран, разделяющий субъекта реальности и сетевой мир, создает лишь иллюзорную границу, поэтому утверждение нахождения «Я» там или здесь весьма условно. Условность этой границы создает плоскостное горизонтальное мировосприятие, в котором принципиально невозможна критическая оценка обозначения «Я» присутствия. Специфика этой оптики в отсутствии оппозиций противоположностей, для ее возникновения необходима вертикаль, устанавливающая ценностные ориентиры: добра и зла, высокого и низкого, правды и лжи. Но для установления вертикали субъекту необходимо прерывание движения, остановка, что в цифровом мире невозможно. А. Бард утверждает, что в цифровой среде субъект будет настойчиво избавляться от целостного сознания, а не от шизофренических раздвоенностей [15].

Ю. Чернавин поддерживает позицию синкретизма реального и виртуального «Я», но различает при исследовании цифровой идентичности два подхода [8]. Первый подразумевает выявление и изучение уникальных особенностей сетевого «Я». Этот образ сетевого субъекта суммарно складывается из информации, размещенной в Сети самостоятельно, из данных, которые собирают о субъекте различные организации, и из анализа интернет-траекторий, которые субъект совершал (какие сайты посещал, какие материалы скачивал, что заказывал на торговых площадках). Такой образ позволяет идентифицировать личность, но не учитывает самоидентификации и связан лишь с формальной, но не содержательной стороной идентичности.

При содержательном подходе цифровая идентичность рассматривается им как комплекс осознания и переживания своей уникальности и компетентности в цифровой среде, складывающийся из отношения к другим субъектам Сети, к информации, которая имеет устойчивый, целенаправленный и осмысленный характер [16]. Шнейдер утверждает, что сами участники цифровой среды никакой трансформации личностной составляющей идентичности не наблюдают, фиксируя лишь изменения в социальной.

При таком подходе субъект должен понимать свое место и значение в технологичной цифровой среде. При этом необходимо понимать, что технологии выступают лишь как средство идентификации, а приоритетным является отождествление себя с объектами новой реальности цифровой среды.

В основе идентификационного процесса субъекта цифровой сети, по мнению Ю. Чернавина, лежит не только отождествление, но и различение от других, которое реализуется через коммуникацию [8]. Сетевые коммуникации предлагают благоприятные условия самопрезентации, позволяя избрать множество ролей, концентрируя внимание на самовыражении. Вступая в коммуникацию, субъект предъявляет Сети свой проект искусственного «Я». Этот образ заполняется ценностными мировоззренческими установками, личными интересами и может иметь несколько вариантов идентичности. На цифровой образ оказывает влияние и специфика сетевой коммуникации, которая обеспечивает анонимность и допускает возможность дополнения и исправления исходного образа, но исключает присутствие невербальной составляющей коммуникации.

Многие отечественные исследователи признают наличие в цифровой идентичности «твердого ядра», которое образуется в результате связи социальных, психологических и духовных неповторимостей личности и создает устойчивые критерии отождествления/различения себя с другими [17].

Нам представляется интересной позиция Р. Пеннер, согласно которой цифровая идентичность является новой формой социального признания, усложняющая проявления субъектности и допускающая проявления в позициях, характерных для цифровой среды: агент, актер (актант) [18].

Эта позиция, призванная денатурализовать идентичность, исходит из постгуманистического дискурса, в котором человек сопоставляется с объектами нечеловеческого генезиса. Одним из первых исследователей, обратившихся к расширению агентного подхода за границы человеческого, был К. Барад [19]. Учитывая сложность мира, он предлагает отказаться от гуманистической оптики, в которой все описывалось с позиции человека как привилегированного объекта, и перейти от рассмотрения самостоятельных объектов к интерактивности (изменению собственных коммуникационных способностей) агентов. Создание подобных агентов, к примеру человекоподобных роботов, «роботов с человеческим лицом», позволяет человеку увидеть себя со стороны и приблизиться к пониманию самого себя [20]. Подобные агенты копируют человека, повторяют его, через них человек получает свое продолжение, расширение. Это имеет прикладное значение для обеспечения присутствия человека в опасной среде.

Помимо этого, человек как картезианская «мыслящая вещь» (*res cogitans*) оказался одиноким среди вещей немыслящих, возникновение цифровой среды подарило

человеку шанс избавиться от одиночества путем создания подобных себе копий в виде агентов сети. Появление сетевого агента С. Шавиро связывает с необходимостью перевода инструмента из статуса объекта «для человека» в самостоятельный агент путем его «витализации» [21]. Агентный подход видит в цифровой идентичности путь к субъективации объекта, очеловечиванию предмета.

Иной подход к пониманию субъектности предлагают сторонники акторно-сетевой теории, согласно которой социальные связи устанавливаются не только через людей, но и через весь предметный мир. Создание или подключение к социальным сетям осуществляет человек, но актором этой сети может быть любой объект. Сторонники акторного подхода исходят из конструктивистского представления о социальной действительности. Реальность и представления о ней фундаментально различны, поэтому, чтобы определить идентичность субъекта, творящего вещный мир и имеющего в сознании отражение внешнего мира, необходимо определить Сеть, в которую он включен, и выявить акторов, определяющих особенности ее развития. Таким образом происходит реабилитация материального объекта в его социальных правах [22].

Исходя из оптики сетей и потоков сторонники акторно-сетевого подхода постулируют заимствованное у постструктуралистов представление о мире как гетерогенной, гибридной сборке, что приводит к равноправию всех элементов Сети, будь то человек, окружающие его технические приборы или мебель. Для обоснования этого равноправия, которое на первый взгляд выглядит абсурдным (человек активен, предмет пассивен), Б. Латур обращается к идеям структуралистов, согласно которым в знаково-символической системе языка, описывающего действия, активность человеческого и пассивность предметного нивелируются, что позволяет обратиться к понятию актанта (фр. *actant* — «действующий») — языковому обозначению того, что включено в Сеть, что действует и испытывает действие других [23]. В отличие от субъекта, обладающего устойчивой идентичностью, актанты цифровой среды пассивны, но адаптивны, и поэтому их идентичность подвижна, «текуча» [24]. В отличие от постмодернистских установок на «смерть субъекта» сторонники акторно-сетевого подхода не покушаются на его существование, но онтологически уравнивают с объектом. В системе определения цифровой идентичности через актант происходит объективация субъекта, опредмечивание человека.

В цифровой среде присутствует определенная статика, задаваемая структурой Сети, и динамика, проявляющаяся в действиях актантов. Если Сеть так или иначе топологически локализована, то внутри цифровой среды таких ограничений нет, что позволяет ряду авторов говорить о принципиальной «бездомности» агентов [25]. Подобная социальная характеристика агентов Сети получила название «цифровой номадизм» (кочевничество в Сети), который применим как для оценки участников трудовой дея-

тельности в Сети, так и досуговой, развлекательной. Для агента не существует препятствий в виде ландшафтных, временных, культурных границ. Даже физиологические недостатки субъекта не мешают агенту реализовывать движение. Подобно кочевнику, который выглядит ризомной сборкой «человек — нарт — олень», агент Сети тоже ризомен «человек — компьютер — “мышь”». При такой сборке идентичность и носитель топологически разрозненны. В последнее время цифровой нomaдизм получил широкое распространение как онлайн-форма трудовой деятельности. Существует достаточно большое количество сайтов, предлагающих погрузиться в «цифровой нomaдизм». Сам субъект цифрового нomaдизма явлен как агент Сети, именно с ним работодатели имеют дело, именно ему дают задание, перечисляют заработную плату, и им не интересен факт соотнесения цифрового образа с носителем.

Феномен цифрового нomaдизма обусловлен утратой субъектом его целостности и превращение в дивидуума, набор идентичностей, которые лишены субстанциональности. В реальной действительности обретение самости происходило через тождество или различие с «Другим», но цифровая среда Сети, не имея субстанциональной основы, не позволяет осуществить это, так как выступает лишь полем безграничных, но вероятных возможностей без гарантии воплощения. Агент Сети лишается физических пространственно-временных характеристик и погружается в движение по сайтам и ссылкам, которое подменяет смысл симуляцией событийности. Для описания идентификационной модели такого цифрового нomaда в отечественной гуманитаристике предложен термин «человек кликающий», который выступает совокупностью интернет-ссылок [26].

На наш взгляд, феномен цифровой идентичности может быть рассмотрен в им-мортологическом аспекте как способ сопротивления смерти, обретения бессмертия. Одноразовое «Я» присутствует в пространственно-временных границах, а потому масштабы его бытия имеют пределы. Существование в Сети не имеет таких ограничений, оно не субстанционально. Для его описания применяется понятие «субсистентность», применяемая для описания самодостаточной потенции, возможности, не стремящейся к обязательной актуализации. Поэтому цифровая идентичность не может умереть, так как для этого необходимо быть воплощенным в действительную реальность, которая подчинена пространственно-временным изменениям. Помимо этого, если субъект создает множественность «Я», которые к тому же имеют топологическое рассредоточение, возможна дезориентация смерти. Созданные цифровые копии могут существовать и после смерти автора, их создавшего (страницы в социальных сетях, электронные подписи, поисковые запросы). К тому же сама цифровая среда является полем безопасности, в ней нет телесной боли. Подобная им-мортологическая тактика «обмана смерти» культивировалась в традиционных культурах в акте именованья ребенка, получавшего

при рождении два имени: тайное (подлинное), известное только близким родственникам, и явное (социальное), которое озвучивалось прилюдно. Наваety, порча, проклятия могли быть адресованы только явному, социально озвученному имени, которое было обманным, в итоге субъект, который был защищен тайным именем, не получал вреда.

Раскрывая идентичность цифрового агента, О. Горюнова обращается к репрессивному дискурсу власти М. Фуко, предлагая рассматривать человека как творца (субъект), создающего свою цифровую копию (аналог). Но попав в Сеть, аналог начинает существовать по ее законам, которые не всегда согласуются с намерениями автора [27]. Если в момент создания Интернет представлял собой общество, свободное от регламентаций, то на сегодняшний момент его можно отнести к аналогу дисциплинарного общества. В нем действуют уже не правила изоляции, характерные для тюрем модерна, а формы информационного контроля, слежения, паноптикума. Цифровая среда настойчиво примеряет на себя образ субъекта, который указывает цифровому агенту, а через него и автору набор действий: добавить в друзья, перейти по ссылке, ответить на запрос, поставить «лайк». Цифровая среда, «заманив» в Сеть человека-субъекта, через агента Сети превращает его в послушного потребителя. Через потребляющего агента происходит деиндивидуация субъекта, актуализируется вопрос о свободном выборе человека [28]. Как пишет А. Спан, высокие технологии и цифровая среда перестали быть пассивными, они начинают активно действовать и детерминируют наши социальные практики [29].

Р. Пеннер в современной цифровой среде выделяет несколько возможных форм проектирования цифровой идентичности: электронная почта и мессенджеры, контекстная реклама и социальные сети [30]. Именно в указанных полях цифровой среды человек может столкнуться с цифровым аналогом субъекта, заявляющим о своей автономии: нейросети, боты. Алгоритмы, стоящие за их созданием, претендуют на автономию, на самостоятельное существование собственного «Я» и требуют признания наряду с социальными субъектами.

На основании описаний цифровой идентичности можно выделить ее следующие свойства: гибкость (адаптивность), топологическую неопределенность, ахроничность (безвременность), не субстанциональность, ориентацию на потребление (в том числе информационное).

Выводы

Таким образом, феномен цифровой идентичности может быть определен как форма осознания человеком самого себя через цифровые образы, создаваемые субъектом в цифровой среде Интернета. Мотивом формирования цифровой идентичности выступает потребность субъекта в социальном признании в интернет-пространстве.

Основные подходы, сложившиеся по отношению к исследуемому феномену, можно разделить на три группы: признание цифровой идентичности как необходимого равноправного (по отношению к реальному) дополнения к целостному образу «Я» человека; понимание цифровой идентичности как вспомогательного инструмента «расширения» человека, выступающего копией, стремящейся к «витальности» (очеловечивание предмета); понимание цифровой идентичности как объект, детерминирующий социальное поведение (опредмечивание человека).

Цифровая среда становится полем проявления человеком своей самости, своего «Я», реализуемого через сообщения и реакцию на них, через следы кочевания по сайтам, отпечатков в виде лайков и «смайликов». Однако массовое погружение людей в цифровую среду Интернета в виде цифрового агента порождает определенные риски. К ним можно отнести следующие: неравенство, обусловленное уровнем компьютерной грамотности в системе «человек — человек», или неравенство в системе «человек — техника (технологии)», в котором человек проигрывает нейросетям и искусственному интеллекту, получая статус неконкурентоспособного. Помимо этого, цифровизация многих видов профессиональной деятельности угрожает ростом технологической безработицы, цифровые боты сегодня в Сети предоставляют услуги юридического и даже медицинского характера. Перевод многих документов в цифровую среду порождает проблему отсутствия гарантий сохранения в тайне личной информации, которую могут использовать во вред субъекту. Сегодня существует возможность захвата цифровой идентичности объектом (ботом) или другим субъектом, чем пользуются мошенники, нанося экономический и репутационный ущерб. Для обеспечения безопасности Сети национальные государства разрабатывают законопроекты по кибербезопасности, которые приводят к тотальной слежке, контролю и применению новых форм цифровой репрессии и эксклюзии (бан, блокировка и даже удаление из Сети). Важно отметить и возникновение психологических рисков, связанных с цифровой привязанностью, геймерством, деперсонализацией, вызванной безличным общением через различные программы и мессенджеры, появление безусловного доверия к «smart»-гаджетам, геолокационным и информационным приложениям, а также физиологических, вызванных атрофией опорно-двигательного аппарата вследствие малоподвижного образа жизни.

Через агентное присутствие цифровой идентичности человека в сети Интернет происходит рассеивание субъекта, обостряя проблему сохранения человеческой самости при производстве и потреблении цифровых образов. При отсутствии осознанного «Я» субъект лишается возможности желать, хотеть, реализовывать волю, за него это будут делать другие, «Другой». Таким образом, проблема цифровой идентичности — это не только проблема бытия, но и проблема свободы личности. Сохранение челове-

ского, сущностного подлинного «Я», на наш взгляд, возможно при формировании и сохранении его аксиологического содержания, нацеленного на удержание дистанции между «Я» и «не Я». Это дистанцирование устанавливается благодаря ценностям морали, нормам культуры и критической рефлексией самости, позволяющей выявить подлинное и мнимое, внешнее и внутреннее, важное и второстепенное. В качестве подлинного необходимо обращение внимания на субстанциональное начало, которое обладает естественной временностью бытия и в силу этого побуждает человека соизмерять свои дела, поступки и намерения с конечностью существования.

Список источников

1. Шляков, А. В. Новые формы семьи в сетевом обществе / А. В. Шляков. – DOI 10.24158/tipog.2022.6.4. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 6 (172). – С. 37–40.
2. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского Н. В. Суслова. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. – 96 с. – Перевод изд.: *A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social* / Jean Baudrillard. Fontenay-sous-Bois, 1987. – Текст : непосредственный.
3. Урри, Дж. Социология за пределами обществ : виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри ; перевод с английского Д. Кралечкина. – Москва : Высшая школа экономики, 2012. – 336 с. – Перевод изд.: *Sociology beyond societies* / John Urry. London, New York, 2000. – Текст : непосредственный.
4. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали ; перевод с английского Л. Каневского. – Москва : Международные отношения, 1993. – 133 с. – Перевод изд.: *Lignes d'horizons* / Jacques Attali. Paris, 1990. – Текст : непосредственный.
5. Савельева, Е. П. Новые группы профессионалов в условиях мобильного сетевого общества / Е. П. Савельева. – Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 14, № 3. – С. 67–82.
6. Кастельс, М. Галактика Интернет : Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория : Издательство Гуманитарного университета, 2004. – 328 с. – Перевод изд.: *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society* / Manuel Castells. Oxford, 2001. – Текст : непосредственный.
7. Лисенкова, А. А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху / А. А. Лисенкова. – DOI 10.21146/0042-8744-2020-3-65-74. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 65–74.

8. Чернавин, Ю. А. Цифровая идентичность личности : сущность, особенности возникновения и проявления / Ю. А. Чернавин. – Текст : непосредственный // Человеческий капитал. – 2022. – № 12–2 (168). – С. 74–78.
9. Прончев, Г. Б. Становление электронно-цифровой цивилизации : ключевые понятия. Часть 2 / Г. Б. Прончев. – DOI 10.24158/tipor.2022.7.5. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 7 (173). – С. 47–56.
10. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; под редакцией Н. А. Головина, перевод с немецкого И. Д. Газиева. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 641 с. – Перевод изд.: *Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie* / Niklas Luhmann. Frankfurt, 1984. – Текст : непосредственный.
11. Копанева, В. А. Кризис признания в условиях социальной изоляции / В. А. Копанева. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.11. – Текст : непосредственный // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 89–94.
12. Соловьева, Л. Н. Цифровая идентичность как феномен информационной современности / Л. Н. Соловьева. – DOI 10.24158/fik.2020.12.7. – Текст : непосредственный // *Общество : философия, история, культура*. – 2020. – № 12. – С. 53–56.
13. Делёз, Ж. Тысяча плато : Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; перевод с французского Я. И. Свирского. – Екатеринбург : У-Фактория; Москва : Астрель, 2010. – 895 с. – Перевод изд.: *Mille plateaux* / Gilles Deleuze, Pierre-Félix Guattari. Paris, 1980. – Текст : непосредственный.
14. Делёз, Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; перевод с французского Д. Кралечкина. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 670 с. – Перевод изд.: *Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe* / Gilles Deleuze, Felix Guattari. Paris, 1972. – Текст : непосредственный.
15. Бард, А. НЕТократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист ; перевод с английского В. Мишучнова. – Санкт-Петербург : Стокгольмская школа экономики, 2004. – 252 с. – Перевод изд.: *Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism* / Alexander Bard, Jan Söderqvist. London; New York, 2002. – Текст : непосредственный.
16. Шнейдер, Л. Б. Пользователь в информационной среде : цифровая идентичность сегодня / Л. Б. Шнейдер, В. В. Сыманюк. – Текст : непосредственный // *Психологические исследования*. – 2017. – Т. 10, № 52. – С. 7.
17. Буденкова, В. Е. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа : модели и подходы / В. Е. Буденкова, Е. Н. Савельева. – DOI 10.17223/22220836/21/4. – Текст : непосредственный // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. – 2016. – № 1 (21). – С. 31–44.

18. Пеннер, Р. В. От субъектности к агентности в социальных и гуманитарных дискурсах XXI века / Р. В. Пеннер. – DOI 10.18500/1819-7671-2022-22-4-393-397. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 393–397.
19. Опыты нечеловеческого гостеприимства / Редакторы-составители М. Крамар, К. Саркисов. – Москва : V-A-C press, 2018. – 255 с. – Текст : непосредственный.
20. Ishiguro, H. Geminoid Studies : Science and Technologies for Humanlike Teleoperated Androids / H. Ishiguro, F. D. Libera. – Springer, 2018. – 466 p. – Direct text.
21. Шавиро, С. Вселенная вещей / С. Шавиро. – Текст : непосредственный // Логос. – 2017. – Т. 27, № 3 (118). – С. 127–152.
22. Вахштайн, В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «поток» в акторно-сетевой теории / В. С. Вахштайн. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2005. – Т. 4, № 1. – С. 94–115.
23. Латур, Б. Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; перевод с английского И. Полонской, под редакцией С. Гавриленко, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва : Высшая школа экономики. – 2014. – 384 с. – Перевод изд.: *Reassembling the social. An Introduction to Actor-Network-Theory* / Bruno Latour. New York, 2005. – Текст : непосредственный.
24. Латур, Б. Визуализация и познание : изображая вещи вместе / Б. Латур ; перевод с английского М. Маслюковой, М. Расторгуевой, С. Гавриленко. – Перевод изд.: *Visualization and cognition : drawing things together* / Bruno Latour // *Knowledge and Society Studies in the Sociology of Culture Past and Present*. Greenwich, 1986. Vol. 6. – Текст : непосредственный // Логос. – 2017. – Т. 27, № 2 (117). – С. 95–156.
25. Гужова, И. В. Цифровой номадизм как проект обретения экзистенциальной свободы в мире «постулируемой» идентичности / И. В. Гужова. – Текст : непосредственный // Комплексные исследования человека : психология : материалы VII Сибирского психологического форума. Часть 1. – 2017. – С. 63–66.
26. Тарасенко, В. Человек Кликающий : фрактальные нарративы / В. Тарасенко. – Текст : непосредственный // Проблема общения в пространстве тотальной коммуникации = *Issues of communication in contemporary cultural contexts* / Российский институт культурологии МК РФ И РАН, Филос.-культурол. исслед. центр «Эйдос». – Санкт-Петербург, 1998. – С. 351–357.
27. Goriunova O. The Digital Subject : People as Data as Persons / O. Goriunova. – DOI 10.1177/0263276419840409. – Direct text // *Theory, Culture & Society*. – 2019. – Vol. 36, Issue 6. – P. 125–145.

28. Орлов, М. О. Многомерность цифровой среды в обществе риска / М. О. Орлов. – DOI 10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 19, № 2. – С. 155–161.

29. Spahn, A. Digital objects, digital subjects and digital societies : Deontology in the age of digitalization / A. Spahn. – DOI 10.3390/info11040228. – Direct text // Information. – 2020. – Vol. 11, Issue 4. – P. 228.

30. Пеннер, Р. В. Цифровые варианты проектирования социальной идентичности / Р. В. Пеннер, Л. Б. Осипова. – DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-07-15. – Текст : непосредственный // Социум и власть. – 2022. – № 4 (94). – С. 7–15.

References

1. Shlyakov, A. V. (2022). New forms of family in a networked society. Theory and practice of social development, (6(172)), pp. 37-40. (In Russian). DOI: 10.24158/tipor.2022.6.4

2. Baudrillard, J. (1987). A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social. Fontenay-sous-Bois, Utopie, pp. 122. (In French).

3. Urry, J. (2000). Sociology beyond societies. London, New York, Routledge, 266 p. (In English).

4. Attali, J. (1990). Lignes d'horizons. Paris, Fayard, 216 p. (In French).

5. Savelyeva, E. P. (2011). New professionals groups in the framework of mobile network society. The Journal of Sociology and Social Anthropology, 14(3), pp. 67-82. (In Russian).

6. Castells, M. (2001). The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford, Oxford University Press, 306 p. (In English).

7. Lisenkova, A. A. (2020). Transformation of identity in the digital age. Voprosy filosofii, (3), pp. 65-74. (In Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2020-3-65-74

8. Chernavin, Yu. A. (2022). Digital identity of a person: the essence, features of occurrence and manifestation. Chelovecheskij kapital, (12-2(168)), pp. 74-78. (In Russian).

9. Pronchev, G. B. (2022). Formation of digimatic civilization: key concepts. Part 2. Theory and practice of social development, (7(173)), pp. 47-56. (In Russian). DOI: 10.24158/tipor.2022.7.5

10. Luhmann, N. (1984). Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt, Suhrkamp, 674 p. (In German).

11. Kopaneva, V. A. (2021). The crisis of recognition in the context of social exclusion. Logos et Praxis, 20(2), pp. 89-94. (In Russian). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.11

12. Solovieva, L. N. (2020). Digital identity as a phenomenon of information modernity. Society: philosophy, history, culture, (12), pp. 53-56. (In Russian). DOI: 10.24158/fik.2020.12.7
13. Deleuze, G., & Guattari, P.-F. (1980). Mille plateaux. Paris, 645 p. (In French).
14. Deleuze, G., & Guattari, F. (1972). Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe. Paris, 496 p. (In French).
15. Bard, A., & Söderqvist, J. (2002). Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism. London; New York, Reuters, 269 p. (In English).
16. Schneider, L. B., & Simanyuk, V. V. (2017). User in information environment: digital identity today. Psychological research, 10(52), p. 7. (In Russian).
17. Budenkova, V. E., & Savelieva, E. N. (2016). Identity as a topic of theoretical and methodological analysis: models and approaches. Tomsk state university journal of cultural studies and art history, (1(21)), pp. 31-44. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/21/4
18. Penner, R. V. (2022). From the subject to the agent in social and humanitarian discourses of the XXI century. Izvestiya of saratov university. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 22(4), pp. 393-397. (In Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-4-393-397
19. Kramar, M., & Sarkisov, K. (Eds) (2018). Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva. Moscow, V-A-C press Publ., 255 p. (In Russian).
20. Ishiguro, H., & Libera, F. D. (2018). Geminoid Studies: Science and Technologies for Humanlike Teleoperated Androids. Springer, 466 p. (In English).
21. Shaviro, S. (2017). The universe of things. Logos, 27(3(118)), pp. 127-152. (In Russian).
22. Vakhshayn, V. S. (2005). The return of the material. "Spaces", "networks", "flows" in actor-network theory. Russian Sociological Review, 4(1), pp. 94-115. (In Russian).
23. Latour, B. (2005). Reassembling the social. An Introduction to Actor-Network-Theory. New York, Oxford University Press, 301 p. (In English).
24. Latour, B. (1986). Visualization and cognition: drawing things together. Knowledge and Society Studies in the Sociology of Culture Past and Present, Greenwich, 6, pp. 1-40. (In English).
25. Guzhova, I. V. (2017). Digital nomadism as a project of finding existential freedom in the world of "postulated" identity. Kompleksnye issledovaniya cheloveka : psikhologiya : materialy VII Sibirskogo psikhologicheskogo foruma. Chast' 1, pp. 63-66. (In Russian).
26. Tarasenko, V. (1998). Chelovek Klikayushchiy: fraktal'nye narrativy. Проблема общения в пространстве тотальной коммуникации = Issues of communication in contemporary cultural contexts. St. Petersburg, pp. 351-357. (In Russian).

27. Goriunova, O. (2019). The digital subject: People as data as persons. Theory, Culture & Society, 36(6), pp. 125-145. (In English). DOI: 10.1177/0263276419840409
28. Orlov, M. O. (2018). The diversity of the digital environment in a risk society. Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 19(2), pp. 155-161. (In Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161
29. Spahn, A. (2020). Digital objects, digital subjects and digital societies: Deontology in the age of digitalization. Information, 11(4), p. 228. (In English). DOI: 10.3390/info11040228
30. Penner, R. V. & Osipova, L. B. (2022). Digital design options for social identity. Society and power, 4(94), pp. 7-15. (In Russian). DOI: 10.22394/1996-0522-2022-4-07-15

Информация об авторе / Information about the author

Шляков Алексей Владимирович,
доктор философских наук, профессор кафедры
гуманитарных наук и технологий, Тюменский
индустриальный университет, г. Тюмень,
schafferhund@rambler.ru, ORCID: [https://](https://orcid.org/0000-0002-4294-2704)
orcid.org/0000-0002-4294-2704

Alexey V. Shlyakov, Doctor of Philoso-
phy, Professor at the Department of Humanities
and Technologies, Industrial University of Tyu-
men, schafferhund@rambler.ru, ORCID: [https://](https://orcid.org/0000-0002-4294-2704)
orcid.org/0000-0002-4294-2704

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024;
принята к публикации 30.05.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for
publication 30.05.2024.